

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-7

УДК 94(470)"19"

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА В ЭМИГРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

Мацеевский Г.О.

Цель: Рассмотреть основные тенденции и особенности политической жизни казачества в эмиграции в XX веке.

Методология проведения работы: Методологической основой исследования являются общепринятые принципы историзма и объективности, предполагающие конкретно-исторический подход к анализу событий в их диалектическом развитии.

Результаты: Выявлено, что казачья эмиграция, пережив несколько волн переселения, во многом утратила свои политические позиции. Отрыв от социокультурного и географического пространства формирования и развития традиционной культуры; инокультурное окружение; вынужденный отказ от идей коллективизма, общинности, воинского братства, характерных для российского казачества; разрушение основного института социализации, сохранения и передачи исторического и культурного опыта – семьи; постоянное чувство «временности», связанное с этим ощущение «потерянности», отчаяние и потеря веры в будущее – всё это порождало явление, названное в кросс-культурной психологии «культурным шоком», характеризующееся выраженным психическим потрясением, нарушением психического здоровья на фоне всё более растущего кризиса этнического и социокультурного самосознания и самоидентификации.

Область применения результатов: результаты исследования могут быть интересны специалистам, занимающимся проблемами истории казачьей эмиграции.

Ключевые слова: казачество; казачество в эмиграции; политическая жизнь.

POLITICAL LIFE OF THE COSSACKS IN EMIGRATION: TENDENCIES AND FEATURES

Matsievsky G.O.

Purpose: To consider the main tendencies and features of political life of the Cossack emigration in the XX century.

Methodology: Methodological basis of research are the standard principles of a historicism and the objectivity, assuming the concrete historical approach to the analysis of events in their dialectic development.

Results: It is revealed that the Cossack emigration lost the political positions. Separation from sociocultural and geographical space of formation and development of traditional culture; foreign culture environment; refusal of the Cossack ideas of a collectivism and military brotherhood; destruction of the main institute of preservation and transfer of historical and cultural experience – a family; the constant feeling of «temporariness», despair and loss of belief in the future – all this generated the phenomenon called in cross-cultural psychology «cultural shock». Also crisis of ethnic and sociocultural consciousness and self-identification increased.

Practical implications: Results of research can be interesting to the experts who are taking up the problems stories of the Cossacks in emigration.

Keywords: Cossacks; the Cossacks in emigration; political life.

Вопросы, связанные с историей политической жизни казачества в эмиграции, вновь актуализировались в последние годы. Во многом это связано с продолжающимися поисками современными казаками своей политической и социокультурной идентификации [17; 18; 19].

По данным Лиги Наций в начале 1920-х гг. за границей проживало около 10 млн. русских, в том числе послереволюционная белая эмиграция составляла до 2 млн. человек. Численность казаков среди белоэмигрантов определяется в литературе по-разному. По данным Ю.К. Кириенко, общая цифра российских казаков, эмигрировавших в страны Европы и Азии, может оцениваться в 80 тыс. человек [9, с. 165]. При этом в Европе оказались в основном казаки-эмигранты из Кубанского, Донского, Терского и, частично, Астраханского казачьих войск.

Основную массу европейских казаков-эмигрантов дала крымская эвакуация 14-16 ноября 1920 г. В это время из Крыма выехали более 28,5 тыс. донцов (из них 22 тыс. входили в состав армии генерала П.Н. Врангеля и около 6,5 тыс. были гражданскими лицами) [5, Ф. Р-6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 13а; Д. 20. Л. 119] и 16-18 тыс. кубанцев [5, Ф. Р-5935. Оп. 1. Д. 18. Л. 54]. Большинство из них оказались в лагерях беженцев Турции, о. Лемнос, стран Балканского полуострова [24, с. 24]. К 1922 г. основная часть казаков сконцентрировалась в трёх славянских государствах – Болгарии, Югославии и Чехословакии, некоторые осели во Франции, Польше, Германии, Италии и даже Финляндии. В Югославии, где были расположены резиденции донского (А. Богаевского), кубанского (В. Науменко) и терского (Г. Вдовенко) войсковых атаманов, а также штаб П. Врангеля, проживало около 10 тыс. казаков. Более 5 тыс. казаков оказалось в Чехословакии, где ещё с 1920 г. находился Объединённый совет Дона, Кубани и Терека. В Болгарии, по сводке штаба Врангеля, к 12 февраля 1922 г. находилась в непосредственной боевой готовности организованная группа в 19165 человек, среди которых были врангелевские офицеры и некоторая часть казаков [23, с. 63].

По поводу политического будущего казачества в эмигрантских кругах не было единства. В ней существовало, как минимум, два основных направления: «единонеделимцы» и «самостийники». Первые считали казачество составной частью русского народа и видели его будущее неразрывно связанным с будущим «единой и неделимой» России. Среди сторонников этого направления были и монархисты, и эсеры, и сторонники П.Н. Милюкова. Сторонники идеи «самостийности» рассматривали казачество как отдельный народ, имеющий право на государственную самостоятельность [5, Ф. Р-6473. Оп. 1. Д. 1. Л. 7]. Среди «самостийников» можно выделить и отдельное течение «казакийцев», сторонников создания казачьего государства Казакия, в состав которого должны были войти войска европейского казачества – Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского, а также Уральское войско и казаки Калмыкии. Начало движению «казаков-самостийников» было положено образованием в июне 1921 г. в Константинополе «Союза возрождения казачества» под руководством Б.Н. Уланова и В.Т. Васильева, предлагавших объединить «”государственных” людей среди казаков и малочисленную казачью интеллигенцию» вокруг себя [25, Ф. 33988. Оп. 1. Д. 362. Л. 193]. Согласно Программе «Союза возрождения казачества», «Казачьи земли должны быть независимыми демократическими республиками со своими законодательствами (Войсковые круги, рады) и прочими государственно-административными и хозяйственными организациями...» [5, Ф. Р-6079. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. Кстати, лидеры «Союза возрождения казачества» не видели в качестве своих союзников не только советскую власть, но и не находили таковых среди руководителей белого движения, считая их основными виновниками поражения в борьбе с большевиками в 1918-1920 гг. [5, Ф. Р-6079. Оп. 1. Д. 2. Л. 9-10]. Однако все дискуссии и политические споры о возможном политическом будущем казачества шли в основном в «верхах» казачьей эмиграции и мало касались рядовых казаков, проблемы которых чаще всего были связаны с бытовой неустроенностью, отсутствием материальной базы, паспортов и т.д.

Хозяйственно-экономическая адаптация казачества к жизни в эмиграции имела свои особенности в сравнении с ситуацией в общеэмигрантской среде. Во-первых, специфика преимущественно военизированного и сельскохозяйственного уклада их жизни не всегда находила применение к новым условиям жизни, особенно в индустриально развивающихся западных странах. Казакам зачастую было трудно приспособить свой устоявшийся уклад, обычаи и традиции к условиям эмигрантской жизни. Во-вторых, казачество не растворялось в основной массе русских эмигрантов, а стремилось наладить жизнь обособленно в казачьих станицах, объединяясь вокруг станичных и войсковых атаманов. Главными задачами станиц и хуторов стали: учёт всех казаков за границей, объединение деятельности каждого поселения, организация бюро труда и касс взаимопомощи, юридическая и медицинская помощь, защита интересов каждого эмигранта, забота об инвалидах, больных, безработных, женщинах и детях, осведомление о положении в казачьих регионах в России, изыскание средств для нужд эмигрантов [5, Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 273. Л. 14].

Д.Д. Пеньковский, анализируя деятельность первых казачьих союзов и объединений за рубежом, предлагает условно выделять три основных группы: первая – это союзы и объединения казаков, ставящие своей целью противоборство с большевиками; вторая – союзы и объединения казаков, оказывавшие социальную помощь в устройстве казаков-эмигрантов в странах пребывания; третья группа – союзы и объединения казаков, ставящие своей целью сохранение культурного и бытового наследия самобытного казачьего уклада [22, с. 98].

Тяжёлое материальное положение и тоска по родной земле подготовили почву для распространения в эмигрантской среде в 1921-1922 гг. движения сменовеховства [3, с. 35], которое в своей основе было проявлением русского патриотизма. Идеологи движения, отдавая себе отчёт в провале идеи вооружённой борьбы с большевиками, нашли выход «в подвиге сознательной

жертвенной работы совместно с советской властью» – чуждой им, но единственно способной править Россией в создавшихся условиях [23, с. 65]. Сменевеховство привело к расколу казачье движение в эмиграции, породив волну возвращенчества в советскую Россию сначала рядовых казаков, а затем и значительной части казачьей интеллигенции. В воззвании донской демократической группы, созванной в мае 1922 г. в Праге и состоявшей из рядовых казаков и низших офицерских чинов, говорилось: «считать, что дальнейшее пребывание донских беженцев за границей бесцельно, и принять меры к примирению эмиграции с оставшимся населением на Родине», так как «дальнейшая борьба с советской властью не в интересах русского народа» [27, с. 155].

Советское правительство позитивно отнеслось к идее возвращенчества, тем более что это позволяло решить ряд политических проблем: укрепить международные позиции Советской России, разоружить врангелевские вооружённые формирования в Болгарии и тем самым снять вопрос об их участии в возможных антисоветских выступлениях, повысить авторитет новой власти в глазах казачьего населения. В постановлении Президиума ВЦИК, принятом в связи с 4-й годовщиной Октябрьской революции, объявлялась полная амнистия рядовым казакам и солдатам, находившимся в период гражданской войны в составе белых армий. В результате возвращенческие настроения привели к созданию за рубежом организаций, получивших название Союзов возвращения на Родину (сокращённо – «совнарод»), крупнейшим из которых стал союз в Болгарии, к сентябрю 1922 г. насчитывающий в своих рядах уже 5300 человек [28, с. 112-113]. Вскоре идею совнарода принял и Общеказачий земледельческий союз (ОКЗС), образованный ещё в 1921 г. в Константинополе представителями казачьей интеллигенции – членами бывшего Войскового круга и Донского правительства, недовольными политикой П. Врангеля.

В июле 1922 г. между комиссариатом по делам русских беженцев при Лиге Наций (Ф. Нансенс) и наркоматом по иностранным делам РСФСР (М. Литвинов) было заключено соглашение, согласно которому верховный комиссар по делам русских беженцев обязался принять на себя расходы по организации репатриации. При этом репатриации подлежали не все русские беженцы, а только уроженцы Дона, Кубани и Терека, которым подтверждалась со стороны советского правительства полная амнистия [5, Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 185. Л. 16], что, скорее всего, было связано с желанием советского правительства укрепить свой авторитет именно в казачьих регионах.

С осени 1922 г. возвращенческое движение охватывает не только Болгарию, но и Чехословакию, Югославию, Грецию, Румынию, достигает Польши и Франции. В Советский союз начинает возвращаться казачья эмиграция. В докладе ОГПУ «О политическом состоянии казачьих районов СССР», подготовленном к апрельскому Пленуму ЦК РКП(б), говорилось, что уже к 1925 г. в казачьих областях Северного Кавказа проживало до 30 тыс. казаков реэмигрантов, вернувшихся на Родину [23, с. 70].

В этой связи, рассматривая вопрос динамики изменения численности эмигрантов в 1920-е гг., необходимо учитывать проблему репатриации казаков [15; 16]. По данным современных исследований, к 1929 г. за границей оставалось не более 14,5 тыс. донцов и около 11 тыс. кубанцев [24, с. 35].

На Дальнем Востоке, в основном в Китае, активно действовали различные эмигрантские комитеты, благотворительные общества, союзы русских инвалидов и т.д., оказывающие значительную помощь в организации быта русским беженцам. Эта помощь выражалась в сборе денег и вещей, одежды и обуви для распределения их между эмигрантами. В 1920-х гг. в Маньчжурии, Шанхае и др. местах стали возникать казачьи станицы, помогающие консолидации сил в организации быта. В январе 1923 г. был основан Восточный Казачий Союз с центром в Харбине и объединявший казаков Уральского, Оренбургского, Сибирского, Забайкальского, Амурского и Енисейского

казачьих войск [5, Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 16-19]. В последующем эта организация не только поддерживала связи с казачеством Европы, но и рассматривалась в качестве отделения Казачьего Союза в Париже.

Существовавшие в начале 1920-х гг. казачьи зарубежные комитеты, союзы и объединения не могли объединить зарубежное казачество, решившее остаться в эмиграции, и представлять его интересы. Требовалась новая форма организации, которая объединяла бы не отдельных казаков, а станицы и хутора и имела статус независимой неполитической общественной организации, представляющей интересы всего казачества. Таким объединением стал Казачий Союз, решение о создании которого было принято в августе 1924 г. на съезде казаков, проживавших во Франции.

К началу 1930-х гг. казаки-эмигранты жили в 18 странах мира – в Европе, Азии, Африке, Австралии, Северной и Южной Америке. Среди двухмиллионной массы российских эмигрантов того времени они занимали особое положение. Общее их количество достигало 40 тыс. человек, причём почти две трети составляли донские и кубанские казаки. Основными центрами эмиграции оставались европейские страны: Франция (более 10 тыс. человек), Чехословакия (только членов Общеказачьего сельскохозяйственного союза около 3 тыс.), Югославия (более 10 тыс.), Болгария (от 2 до 6 тыс.). В других странах Европы численность казаков-эмигрантов была не такой большой: в Греции – около 1,5 тыс. человек, в Румынии – 500 и в Польше – 600 человек. Основная масса эмиграции казаков востока России оказалась в Монголии, Маньчжурии, Китае, Корее, Японии, Филиппинах.

Деятельность казачьих организаций за рубежом по сохранению «исторической памяти» во многом заключалась в собирании, хранении и публикации материалов по истории казачества. По инициативе Донского атамана А.П. Богаевского весной 1920 г. Донской архив был эвакуирован сначала в Константинополь, а через несколько лет скитаний, в 1925 г., был перевезен в Прагу, где стал центром культурно-просветительской работы среди

русской эмиграции. В фондах Русского заграничного исторического архива в Праге содержался большой материал по истории казачества, в том числе эмигрантских организаций. Донской архив и Донская историческая комиссия в 1920-е гг. издали несколько сборников и книг по истории российского казачества и жизни казаков-эмигрантов за рубежом.

Большую роль в пропаганде казачьей культуры и популяризации исторических знаний сыграли эмигрантские журналы, их выходило в 1920-е – 1930-е гг. около 50 названий. В мае 1927 г. в Праге был создан «Донской имени Атамана М. Платова казачий хор», который был известен во всём мире и пользовался славой на протяжении почти сорока лет. Популярным на протяжении нескольких десятилетий оставался «Донской казачий хор», созданный в Париже в начале 1920-х гг. и руководимый С.А. Жаровым. В 1930 г. казаки Донского, Кубанского и Терского казачьих войск (Берлинская станица, Германия), на своём общем сборе сформулировали цели своей деятельности, среди которых доминировали: «...Отмечать все торжественные и траурные дни из Казачьей жизни общим собранием, устройством молебнов, докладов, панихид и т.п.; ...открыть казачью станичную библиотеку...; ...приступить к созданию станичного хора...» [5, Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 17. С. 8].

В этой связи можно рассматривать как минимум два подхода к проблеме сохранения культурного наследия казачества за рубежом. Согласно первому подходу, особая заслуга казаков-эмигрантов состоит в сохранении для потомков культурного наследия казачества. Эта точка зрения до сегодняшнего дня продолжает оставаться доминирующей среди некоторых представителей движения за возрождение казачества и историков [11]. Так, Г. Кокунько, главный редактор общеказачьей газеты «Станица» и активный участник процесса возрождения казачества в Москве в начале 1990-х гг. пишет: «...мы все, как никогда остро, нуждаемся в изучении малоизвестных страниц истории собственного зарубежья, его уникального опыта самосохранения в иноязычной, инокультурной и религиозной среде... Крайне важен для России опыт

зарубежных казачьих общин по воспитанию детей, привития им традиционных духовных ценностей, любви к русской истории и литературе, самому русскому языку» [10].

С точки зрения второго подхода, казачество в сложных условиях отрыва от Родины, её исторических и культурных корней, влияния чуждой культурной среды и религии пережило трансформацию традиционной культуры в консервативную, что в известной степени привело к фольклоризации казачьей культуры, превращению её в музейно-этнографическую. В этой связи необходимо учитывать, что культура русского зарубежья XX в. вообще и казачьей эмиграции в частности формировалась под влиянием политических факторов, раскрывавших не столько географический характер эмиграции, сколько смысловое расстояние, ту социокультурную дистанцию, то социально-политическое и духовное отчуждение, с позиций которого шло переосмысление всего культурно-исторического потенциала России в прошлом, настоящем и будущем. Это дистантирование и отчуждение стали переломным моментом, началом рождения культуры уже не России, но русского зарубежья, находящейся в диалоге с западной культурой и одновременно с культурой России и её традициями.

Немаловажным является и тот факт, что согласно статистическим данным на 1923 г. около 93% казачьей диаспоры за рубежом составляли мужчины, 4% – женщины и 3% дети в возрасте до 16 лет. 55% казаков-эмигрантов было в возрасте от 20 до 30 лет и 25% – от 30 до 40 лет [24, с. 84]. Во время репатриации 1921-1927 гг. на Родину возвращались в основном старики – хранители традиции, и казаки, чьи семьи остались в России. Естественно, такой возрастной состав казачьей диаспоры, с одной стороны, позитивно влиял на способность её культурной адаптации за рубежом, а с другой – ставил вопрос о возможности и способности сохранять и передавать традиции казачьей жизни. В то же время невозможность для казаков создавать в эмиграции «полноценные» казачьи семьи также отрицательно сказалось на трансляции

традиционных казачьих ценностей и образа жизни своим потомкам, т.к. семья продолжала оставаться основным первичным агентом социализации молодёжи. Многие казаки в эмиграции стремились получить или завершить своё образование. Так, из состава только Общеказачьего сельскохозяйственного союза, 90% казаков получили высшее образование за рубежом. Всё это также сказалось на трансформации традиционных смыслов и ценностей казачества.

К концу 1930-х гг. сложилось несколько казачьих групп и союзов, выражавших определенные групповые интересы казаков различных казачьих войск и политических сил в эмиграции. Первая группа ставила своей целью борьбу с большевизмом, в том числе, военно-диверсионными методами. Вторая – занималась вопросами оказания социально-экономической помощи казакам-эмигрантам. Третья – ставила целью сохранение культурного, православного и бытового наследия самобытного казачьего уклада жизни. Четвёртая – занималась вопросами работы с молодёжью. Политический спектр союзов и объединений был также различным, от крайне правых, монархических до профашистских и левацких, «иногда они враждовали друг с другом, но всех их объединяла ненависть к большевикам, действия которых, как они считали, было направлено на уничтожение русского народа, в том числе, казачества, и русской православной культуры» [22, с. 109]. При этом казачество было более активным в политическом отношении в Западной Европе, Китае и Австралии и менее активным в странах Латинской Америки, где в основном создавались филиалы уже созданных союзов в Западной Европе и Азии.

Видение политического будущего казачества в среде российской казачьей эмиграции накануне Второй Мировой войны также было достаточно разноречивым. С достаточной долей условности можно рассматривать пять политических течений, в той или иной степени доминирующих в эмигрантской среде: 1 – немногочисленная группа казачьих политиков, возглавляемых крайне правой Верховной Радой, выступавшая за возврат казачества в то состояние, в котором оно находилось до Первой мировой войны с объединением Донского,

Кубанского и Терского казачьих войск в полуавтономный союз в составе России; 2 – достаточно многочисленная группа, считавшая казаков особой ветвью русского народа и не стремившаяся к отделению от России, но выступавшая за полное самоуправление казачьих регионов; 3 – наиболее образованная часть казачества, выступавшая за объединение казаков с народами Северного Кавказа в одно демократическое «самостийное и незалежное» государство; 4 – довольно влиятельная группа казаков украинского происхождения, предлагавшая присоединить казачий Юг России к Великой Украине (лидером этого движения был пронемецки настроенный И.В. Полтавец-Острица); 5 – достаточно большая и влиятельная группа молодых казачьих политиков, получивших высшее образование в университетах Чехословакии и выступавших за объединение всех расположенных на европейской части России казачьих войск в одно независимое государство Казакию.

С началом Второй Мировой и особенно Великой Отечественной войны в политических настроениях большинства представителей казачьей эмиграции произошли кардинальные перемены. Большинство казаков-эмигрантов при всём своём непримиримом отношении к советской власти сочувственно отнеслись к судьбе народов России, вступивших в неравную схватку с фашизмом. Волна российского патриотизма охватила практически все казачьи войсковые союзы и объединения в эмиграции.

Казаки-эмигранты в Европе в годы Второй Мировой войны оказались по разные стороны баррикад борьбы с фашизмом. Так, многие казаки участвовали в деятельности Движения Сопротивления в Югославии, воевали в партизанской армии И.Б. Тито. Во французской армии сражалось более 3 тыс. русских, в том числе и казаков. Немецкие оккупационные власти в странах Европы не строили иллюзий в отношении русских эмигрантов. Не случайно, войдя в Париж, они арестовали большинство русских эмигрантов-мужчин и поместили их в Компьенский лагерь.

Положение эмигрантского казачьего населения на Дальнем Востоке во время Отечественной войны также было достаточно сложным. Некоторых деятелей Главного Бюро по делам эмиграции в Маньчжурии японская разведка стремилась привлечь к сотрудничеству. Молодых казаков японцы привлекали к службе в т.н. русском отряде полковника Асано, созданном при Квантунской армии. В Маньчжурии при поддержке японцев в среде эмигрантов усилилось влияние Русской фашистской партии во главе с К.В. Родзаевским. В конце 1930-х гг. в Тяньцзине уже действовал Антикоммунистический комитет Северного Китая, возглавляемый забайкальским казаком Е.Н. Пастухиным и выполнявший жандармские функции от имени японской военной миссии [14].

Ключевой политической фигурой в казачьей эмиграции на Дальнем Востоке был атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семёнов, считавший себя не только походным атаманом казачьих войск Урала и Сибири, но и преемником государственной власти адмирала Колчака. В 1939-1940 гг. он с согласия японцев вёл в Шанхае переговоры с представителем английского правительства Джоном Джонсоном, в ходе которых предлагал свои услуги для участия в возможной англо-японской агрессии на Советский Союз. При этом Семёнов перечислил Джонсону имевшиеся в его распоряжении вооружённые силы: 1) монгольскую бригаду из трёх полков, состоящую из монголов, забайкальских казаков и бурят, под командованием генерал-лейтенанта Уржина; 2) две бригады забайкальских казаков в Трёхречье; 3) два военных училища, регулярное и казачье, в Харбине; 4) полицейские пограничные отряды в Маньчжоу-Го до 2500 штыков; 5) охранные отряды на концессиях и приисках; 6) тяньцзинский русский волонтерский корпус и военные курсы; 7) кадры пехотных и кавалерийских полков и артиллерийских батарей [7; 21]. Однако все эти части и подразделения не приняли участия в войне против СССР в ходе Второй Мировой войны.

Вместе с тем были и те, кто пошёл на сотрудничество с фашистами. 22 июня 1941 г., в день нападения Германии на СССР, П.Н. Краснов писал: «Я

прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру!..» [5, Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 73]. 28 июня донской атаман граф М.Н. Граббе издаёт специальный приказ, в котором заявляет, что «Войско Донское... продолжает свой двадцатилетний поход, что оружие оно не сложило; мира с Советской властью не заключало; что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны...» [5, . Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 16. Л. 21]. В журнале «Казачий вестник», издававшемся в Праге в 1941-1945 гг. в качестве органа Казачьего национального освободительного движения (КНОД), была напечатана телеграмма, посланная «Казачьим национальным центром в день начала военных действий против СССР», призывавшая казаков-эмигрантов включиться в военное противостояние советской власти. Военный конфликт между СССР и Германией оценивался в журнале как возможность свергнуть советское правительство и в союзе с нацистами восстановить «казачью государственность». В речи, произнесённой на манифестационном казачьем собрании в Праге 28 июня 1941 г., один из руководителей КНОД В. Глазков заявил: «Тот, кто знает долголетнюю героическую борьбу казачьего народа с красной Москвой, тот, кто знает, сколько сил оно потеряло, тот поймёт нашу казачью радость, наши казачьи чувства, как за мудрым решением гения Европы стоит не только немецкий народ, но все здоровые, сознательные народы Европы» [13, с. 118]. В августе-сентябре того же года руководство КНОД подготовило для Гитлера письмо, в котором говорилось о казаках как об особом народе, «находившемся под рабством России в течение 180 лет до революции» и подарок в виде вышитой карты Казаки [5, Ф. Р-5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 30].

Руководство фашистской Германии, пытаясь привлечь на свою сторону население оккупированных казачьих регионов, предлагало свои планы по «возрождению казачества». Органы местной власти, создаваемые немцами на оккупированных территориях Дона, Кубани, Кавказа, получали название управ, а их руководители – атаманов. Широко пропагандировалось сотрудничество

казачества, «никогда не признававшего власть большевиков», с немецкими войсками. В этом оказывала помощь часть казачьей эмиграции, которая подчёркивала, что казаки – не русские, а самостоятельный народ: «Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою независимую от Москвы жизнь» [8, с. 86].

С провалом планов «Блицкриг» в конце 1941-1942 гг. в составе Вермахта начинают формироваться казачьи части и целые воинские соединения. Так, в Югославии образуется т.н. «Русский корпус». Осенью 1941 г. в оккупированном немцами Новочеркасске создаётся Донской казачий комитет, летом 1942 г. при содействии бывшего Донского атамана П.Н. Краснова создаются «казачьи» полицейские отряды из дезертиров и изменников родины, а в сентябре 1943 г. образуется Казачий комитет в Херсоне [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 326]. С 1943 г. начинается формирование казачьих частей восточно-германских добровольческих войск. Под Младою (Польша) была сформирована добровольческая казачья дивизия в составе шести полков: двух донских, двух кубанских, терского и сибирского. Все командные и штабные посты в этой дивизии занимали немцы. Командиром её стал генерал-майор (позже генерал-лейтенант) вермахта «батька-атаман» Гельмут фон Панвиц [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 61]. В декабре 1942 г. при Министерстве восточных территорий вермахта создаётся специальный отдел – Kosaken Leite-Stelle – Казачье управление Дона, Кубани и Терека. Его начальником стал референт Политического отдела Министерства Н.А. Гимпель, который считался специалистом по вопросам народов и племён России. Управление стало своеобразной предтечей будущего казачьего «национального представительства» с перспективой его превращения в правительство «независимого государства» [12, с. 271]. И уже 24 июня 1943 г. Гимпель на встрече в Белграде с атаманами донских, кубанских и астраханских казаков

объявил, что «германским правительством вопрос бытия казачества... разрешён в положительном смысле» [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 78].

На казачьих территориях, захваченных фашистами, формируются подразделения «чинов вспомогательной полиции», несущие службу по поддержанию оккупационного порядка. По данным СМЕРШ, содержащимся в «Записке В.Н. Меркулова И.В. Сталину, направленной ЦК ВКП(б) о ликвидации шпионов, диверсантов и немецких пособников в освобождённых районах» [2, Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 159-175] от 19.03.1943 г., «в гор. Ростове германское командование предпринимало меры к созданию “правительства казачьей федерации Дона, Кубани и Терека”... С целью привлечения казаков для вооруженной борьбы с Красной Армией в Ростове был создан “Штаб Войска Донского”» [2, Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 163]. Согласно показаниям арестованных в 1943 г. «участников штаба», «штабу удалось сформировать сотню в городе Ростове и две казачьи сотни неполного состава в городе Каменске. Немцами было объявлено, что казачьи части будут использованы для несения полицейской службы...» [2, Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 163]. В Майском районе Кабардино-Балкарской АССР немецкой разведкой был создан «Комитет объединения казаков Дона, Кубани и Терека» для «шпионской работы, пропаганды и агитации в пользу поддержки германской армии» [2, Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 172]. При этом «Комитет» ссылался на «обещание германского командования “вернуть казакам после войны все привилегии, которыми они пользовались в царской России”» [2, Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 173].

Однако не все «полицаи», как и участники казачьих частей, воевавших на стороне Германии, были казаками. Как отмечают А.П. Скорик и В.А. Бондарев, «причисление себя к казачьему сообществу являлось весьма распространённой жизненной стратегией, позволявшей получить наибольшие выгоды от сотрудничества с нацистами, так как последние демонстрировали самое положительное отношение к казакам» [26, с. 115]. Всего же, по оценкам некоторых специалистов, до половины личного состава казачьих

подразделений вермахта (12-13 тыс. человек) к апрелю 1943 г. не принадлежали «ни к бывшему казачьему сословию, ни к казачьим частям Красной Армии» и называли себя казаками «чтобы как-нибудь вырваться из лагерей военнопленных и тем самым спасти свою жизнь» [6, с. 162-163].

10 ноября 1943 г., при отступлении немцев с Северного Кавказа, представителями командования вермахта В. Кейтелем и А. Розенбергом была подписана «Декларация Германского правительства», подтверждавшая неприкосновенность земельных угодий, прав и преимуществ казачества. В ней, в частности, говорилось: «В воздаяние заслуг ваших на поле брани, в нынешнюю величайшую войну совершённых; в уважение прав ваших на землю...; в сознании прав ваших на самобытность – считаем долгом утвердить за вами, казаками...: 1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена. 2. Вашу самобытность... 3. Неприкосновенность ваших земельных угодий...» [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 340]. В ответ на Декларацию выходит Обращение лидеров КНОД (Казачье национально-освободительное движение) к казакам, начинающееся словами: «С чувством радости и глубоко удовлетворения прочтёт каждый казак историческое объявление Германского Правительства. Гордостью и казачьим самосознанием наполняются сердца казаков... Германское правительство признаёт вековое славное прошлое целого *нашего Казачьего Народа* (выделено мной – Г.М.), имевшего свою собственную государственность, ни от кого не зависимую» [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 345]. И хотя в тексте Декларации понятия «Казачий Народ» нигде не встречается, тем не менее, заключительные её слова о том, что «...вы [казаки] верно и послушно вольётесь в общую и дружную работу с Германией и другими народами (Г.М.) для устройства Новой Европы...» [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 340], видимо, давало повод лидерам КНОД питать иллюзии по поводу своего возможного «национального возрождения».

В Обращении П. Краснова к казакам также заявлялось: «...Услышал Господь молитвы наши!.. Пришло, чего ждали казаки! Пришло удостоверение Германской власти признания казачьих заслуг перед миром; обещание защиты и покровительства Вождя Германского народа Адольфа Хитлера!..» [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 34. Л. 74]. Однако не все, даже из соратников Краснова, восприняли Декларацию с таким воодушевлением [5, Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 11. Л. 226]. Тем не менее, преданность П. Краснова германское командование оценило – в марте 1944 г. при Министерстве восточных территорий А. Розенберга было образовано Главное управление казачьих войск во главе с Красновым, выполнявшее роль временного казачьего правительства на чужбине.

В последние годы тема казачества в Великой Отечественной войне вновь актуализировалась, но стала подаваться, в основном, с точки зрения участия казачьих частей и соединений в войне на стороне фашистской Германии. Был опубликован ряд работ, названия которых говорят сами за себя: «Белоэмигранты между звездой и свастикой» [4], «Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне» [20], «Казаки между Гитлером и Сталиным» [12] и т.п. На фоне почти полного замалчивания роли казачества РККА в деле разгрома фашизма, героизируются казачьи «атаманы-генералы», пошедшие на службу Гитлеру – П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, М.Н. Граббе, В.Г. Науменко и др. Из уст современных представителей казачества порой можно услышать о том, что казаки-коллаборационисты были истинными освободителями России, и «казаки, воевавшие в дивизии фон Панвица, воевали за Свободный Дон, за казачью республику, свободную от коммунистов!». Однако итоги войны и здравый смысл позволяют сделать вывод, что немецкое командование, делая шаги по «возрождению» казачества, прежде всего в качестве сословия, тем самым пыталось использовать его лишь как военную и политическую силу, «пушечное мясо» в войне против СССР. Никакого

культурно-исторического и тем более «национального» возрождения самобытной жизни казачества немецкие власти не планировали.

После разгрома фашизма начинается новая эпоха в истории российской эмиграции. С одной стороны, в страну возвращаются те, кто был насильственной угнан на запад в годы войны, а также представители эмиграции «первой волны», испытавшие преследования и гонения фашистов и решившие вернуться на Родину. С другой стороны, возникает и «новая» эмиграция, которую образовали преимущественно т.н. «ди-пи» (displaced persons), то есть «перемещённые лица». Их после Второй Мировой войны насчитывалось до 1,5 млн. человек. Среди них были и советские граждане, в том числе русские военнопленные, насильно вывезенные в Европу, а также военные преступники и коллаборационисты, опасавшиеся возмездия. Более половины всех «перемещённых» оказались в США, значительная часть в Австралии и Канаде [29, с. 118].

Очаги казачьей эмиграции первой волны ещё продолжали существовать на территории Европы, но её лидеры в своей деятельности уже не были направлены на попытки отстаивания какого-либо широкомасштабного присутствия казачьих интересов в общеевропейской политике. Поколение первой эмиграции старело и утрачивало общественную и политическую активность. Постепенно вектор казачьей жизни переместился из Европы в США, где в 1947 г. был образован Общеказачий центр, объединивший десятки эмигрантских организаций. Центр издавал Общеказачий журнал, организовал отдел помощи казакам Европы и Америки с адресным столом и общежитиями, создал фермерский поселок «Новая Кубань». В Центре работали отделы семинаров и дискуссий, библиотеки и архива, кооперации, страхования и кладбищ, а также связи с американскими общественными организациями. Глава объединения С.Г. Елатонцев неоднократно оказывал помощь казакам, в том числе и в переселении их в США, но после 1953 г., в результате болезни руководителя, деятельность Общеказачьего центра стала формальной [8, с.

228]. В 1952-1953 гг. донской атаман И.А. Поляков, кубанский атаман В.Г. Науменко и полковник Б.Д. Самсонов, взявший на себя роль представителя интересов астраханского казачества в США, попытались создать Объединённый Совет Дона, Кубани и Астрахани как наследника довоенного Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека, но данная организация так и не получила широкого признания казаков-эмигрантов не только в силу своей промонархической позиции [1, с. 310-311], но и из-за общего спада политической активности казачьей эмиграции.

Попытки использовать казачью эмиграцию в идеологическом и военно-политическом противостоянии с СССР вновь активизировались в конце 1950-х – начале 1960-х гг., что было связано, в том числе, с обострением международных отношений в связи с ситуацией на Кубе и вылились в поддержку официальной властью США идей «казакийцев» по созданию самостоятельного казачьего государства и упоминание Казакии в законе США «О порабощённых народах» (P.L. 86-90, Captive Nations Week Resolution. Approved July 17, 1959), действующем до сих пор. Однако большинство представителей российской эмиграции не только не поддержало этот закон, но и активно выступило против него. В 1962 г. Казачье-американским народным союзом (COSSACK AMERICAN NATIONAL ALLIANCE, INC.), располагавшимся в Нью-Йорке и занимавшимся издательско-просветительской деятельностью при поддержке американских спецслужб, была подготовлена карта Казакии, эмблемы государственных образований, которые должны были войти в состав Казакии – Дона, Кубани и Терека, и жёлто-красно-синий государственный флаг Казакии, похожий на флаг Донского правительства времён гражданской войны, но в обратном сочетании цветов. Но и эта «инициатива» не вызвала оживления в политической жизни казачества в эмиграции.

Постепенно акценты в деятельности эмиграции как первой, так и второй волн смещаются в сторону осмысления событий и действий прошедших лет,

подбора и систематизации личных и общественных архивов, сохранения духовного наследия. Важными хранителями памяти русского зарубежья стали музеи, основанные ещё представителями первой волны русской эмиграции.

Таким образом, казачья эмиграция, пережив несколько волн переселения, во многом утратила свои политические позиции [17]. Кроме того, отрыв от социокультурного и природно-климатического (географического) пространства формирования и развития традиционной культуры; инокультурное окружение, заставляющее либо ассимилироваться, с полной утерей культурной самоидентификации, либо интегрироваться в новую социокультурную среду с попыткой синтеза «старой» и «новой» культур; вынужденный отказ от идей коллективизма, общинности, воинского братства, характерных для российского казачества и не востребуемых прагматичным и индивидуалистическим Западом; разрушение основного института социализации, сохранения и передачи исторического и культурного опыта – семьи; постоянное чувство «временности», связанное с этим ощущение «потерянности» и, как следствие, отчаяние и потеря веры в будущее – всё это, без всякого сомнения, породило явление, названное в кросс-культурной психологии «культурным шоком», характеризующееся выраженным психическим потрясением, нарушением психического здоровья на фоне всё более растущего кризиса этнического и социокультурного самосознания и самоидентификации.

В этой связи можно говорить о практически полном нивелировании особенностей политической жизни казачества в эмиграции, «размывании» или, в лучшем случае, консервации культурных ценностей, смыслов, стереотипов мышления, понимания и поведения, превращения их в элемент фольклора или музейно-архивной экспозиции.

Список литературы

1. Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. 416 с.

2. Архив Президента Российской Федерации.
3. Берегов Я.А. Сменовеховство и казачья эмиграция // Возрождение казачества: история, современность, перспективы. Ростов-н/Д, 1995. С. 35.
4. Гончаренко О.Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. 352 с.
5. Государственный архив Российской Федерации.
6. Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооружённых сил. 1941-1945 гг. М., 2004. 576 с.
7. Ершов В.Ф. Российское военно-историческое зарубежье в 1918-1945 гг. М., 2000.
8. Казачий словарь-справочник. Т. 2. / Сост. Г.В. Губарев, ред. изд. А.И. Скрылов. (Репринтное издание. Сан Ансельмо Калифорния, США, 1968). М., 1992. 341 с.
9. Кириенко Ю.К. Казачье зарубежье (страны рассеивания, численность, организация) // Казачество в истории России (к 200-летию Екатеринодара – Краснодара и 43-х кубанских станиц): Тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. академик П.В. Волобуев. Краснодар, 1993. С. 165.
10. Кокунько Г. Казаки зарубежья // Станица. 2009. № 52 (февраль).
11. Корсакова Н.А. Сохранение историко-культурных традиций кубанским казачеством в эмиграции // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год: Материалы региональной научно-практической конференции / Сост.: Н.И. Бондарь, М.В. Семенцов. Краснодар, 1999. С. 64-69.
12. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. 608 с.
13. Курбат Т.Г. Эмигрантская пресса о роли казачества в Великой Отечественной войне // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной

конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. С. 117-120.

14. Малышенко Г.И. Российское казачество дальневосточного зарубежья накануне и в годы Второй мировой войны (1931 - 1945 гг.) // Омский научный вестник, ОмГТУ. 2005. № 3 (32). С. 23-28.

15. Мациевский Г.О. Государство и казачество в 20-е – 40-е гг. XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10) в 3-х ч. Ч. II. С. 114-117.

16. Мациевский Г.О. Основные этапы политической истории российского казачества в XX веке [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 3. URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/matsievsky.pdf> (дата обращения: 14.03.2013).

17. Мациевский Г.О. Российское казачество в конце XX века: особенности политической культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11), Часть 3. С. 115-118.

18. Мациевский Г.О. Традиции «самостийности» в политической жизни современного российского казачества // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 57-63.

19. Мациевский Г.О. Идеологемы современного казачьего движения [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/9/matsievsky.pdf> (дата обращения: 14.03.2013).

20. Науменко В.Г. Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне. СПб.-М., 2003. 448 с.

21. Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы второй мировой войны. М., 2000. 183 с.

22. Пеньковский Д.Д. Политические последствия эмиграции белого казачества за границу // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 58. М., 2005. С. 98.

23. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов-н/Д, 1997. 187 с.

24. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920-1939 гг.). Краснодар, 1997. 164 с.

25. Российский государственный военный архив.

26. Скорик А.П., Бондарев В.А. К вопросу о возрастных характеристиках казаков-коллорабационистов // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 114-117.

27. Ульянов И.И. Казаки и Советская республика. М.-Л., 1929. 173 с.

28. Чернявский Г., Даскалов Д. Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1. С. 112-113.

29. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедев, М.В. Назаров и др. М., 2001. 536 с.

References

1. Antropov O.O. *Astrahanskoe kazachestvo. Na perelome jepoh* [Astrakhan Cossacks. On a change of eras]. Moscow, 2008. 416 p.

2. *Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [Archive of the President of the Russian Federation].

3. Beregov Ja.A. *Smenovehovstvo i kazach'ja jemigracija* [Cossacks revival: history, present, prospects]. Rostov-on-Don, 1995. p. 35.

4. Goncharenko O.G. *Belojemigranty mezhdu zvezdoj i svastikoj* [White Russians between a star and a swastika]. Moscow, 2005. 352 p.

5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State archive of the Russian Federation].
6. Drobjazko S.I. *Pod znamenem vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih vooruzhjonnyh sil. 1941-1945 gg.* [Under a banner of the enemy. Anti-Soviet formations as a part of the German armed forces. 1941-1945]. Moscow, 2004. 576 p.
7. Ershov V.F. *Rossijskoe voenno-istoricheskoe zarubezh'e v 1918-1945 gg.* [The Russian military and historical abroad in 1918-1945]. Moscow, 2000.
8. *Kazachij slovar'-spravochnik T. 2.* [Cossack dictionary reference]. Moscow, 1992. 341 p.
9. Kirienko U. K. *Kazach'e zarubezh'e (strany rasseivaniya, chislennost', organizacija)* [The Cossacks in the history of Russia]. Krasnodar, 1993. 165 p.
10. Kokunko G. Kazaki zarubezh'ja [Cossacks of the abroad]. *Stanitsa*, no. 52 (2009).
11. Korsakova N.A. *Sohranenie istoriko-kul'turnyh tradicij kubanskim kazachestvom v jemigracii* [Results of folklore and ethnographic researches of ethnic cultures of Kuban for 1998]. Krasnodar, 1999. pp. 64-69.
12. Krikunov P. *Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinyum* [Kazaki. Between Hitler and Stalin]. Moscow, 2005. 608 p.
13. Kurbat T.G. *Jemigrantskaja pressa o roli kazachestva v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The Cossacks in sociocultural space of Russia]. Rostov-on-Don, 2010. pp. 117-120.
14. Malyshenko G.I. *Rossijskoe kazachestvo dal'nevostochnogo zarubezh'ja nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny (1931 - 1945 gg.)* [The Russian Cossacks of the Far East abroad on the eve of and in the years of World War II (1931 - 1945)]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk scientific messenger], no. 3 (2005): 23-28.
15. Macievsky G.O. *Gosudarstvo i kazachestvo v 20-e – 40-e gg. XX veka* [The state and the Cossacks in the 20th – the 40th of the XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie.*

Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Theory and practice questions], no. 4 (2011): 114-117.

16. Macievsky G.O. Osnovnye jetapy politicheskoy istorii rossijskogo kazachestva v XX veke [The main stages of political history of the Russian Cossacks in the XX century]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern researches of social problems], no. 3 (2011). <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/matsievsky.pdf>

17. Macievsky G.O. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Theory and practice questions], no. 5 (2011): 115-118.

18. Macievsky G.O. Tradicii «samostijnosti» v politicheskoy zhizni sovremennogo rossijskogo kazachestva [Traditions of "independence" in political life of the modern Russian Cossacks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Messenger of Tomsk state pedagogical university], no. 3 (2012): 57-63.

19. Macievsky G.O. Ideologemy sovremennogo kazach'ego dvizhenija [Ideology of modern Cossack movement]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern researches of social problems], no. 9 (2012). <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/matsievsky.pdf>

20. Naumenko V.G. *Velikoe predatel'stvo. Kazachestvo vo Vtoroj mirovoj vojne* [Great treachery. The Cossacks in World War II]. St. Petersburg - Moscow, 2003. 448 p.

21. Okorokov A.V. *Antisovetskie voinskie formirovanija v gody vtoroj mirovoj vojny* [Anti-Soviet military formations in the years of World War II]. Moscow, 2000. 183 p.

22. Penkovsky D.D. Politicheskie posledstvija jemigracii belogo kazachestva za granicu [Political consequences of emigration of the white Cossacks abroad].

Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Scientific works of the Moscow humanities university], no. 58 (2005): 98.

23. Perehov Ya.A. *Vlast i kazachestvo: poisk soglasija (1920-1926 gg.)* [Power and Cossacks: search of a consent (1920-1926)]. Rostov-on-Don, 1997. 187 p.

24. Ratushnyak O.V. *Donskoe i kubanskoe kazachestvo v jemigracii (1920-1939 gg.)* [The Don and Kuban Cossacks in emigration (1920-1939)]. Krasnodar, 1997. 164 p.

25. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyj arkhiv* [Russian state military archive].

26. Skorik A.P., Bondarev V.A. *K voprosu o vozrastnyh harakteristikah kazakov-kollaboracionistov* [The Cossacks in sociocultural space of Russia]. Rostov-on-Don, 2010. pp. 114-117.

27. Ulyanov I.I. *Kazaki i Sovetskaja respublika* [Cossacks and Soviet republic]. Moscow - Leningrad, 1929. 173 p.

28. Chernyavsky G., Daskalov D. Sud'by russkoj belojemigracii v Bolgarii [Destinies of the Russian beloemigration in Bulgaria]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], no. 1 (1961): 112-113.

29. Iontsev V.A., Lebedev N.M., Nazarov M.V. *Jemigracija i repatriacija v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. Moscow, 2001. 536 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мацевский Герман Олегович, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

Старооскольский филиал Воронежского государственного университета

мкр. Макаренко, 3А, г. Старый Оскол, Белгородская область, 309512, Россия

e-mail: matsievski2004@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Matsievsky German Olegovitch, associate professor of the department of humanitarian and social disciplines, PhD (History)

Stary Oskol branch of the Voronezh state university

3A, mcr. Makarenko, Stary Oskol, Belgorod Region, 309512, Russia

matsievski2004@mail.ru